

*Тебе и Маше.
Девочки, будьте счастливы!*

Глава первая

— Александра Львовна, так вы на метро? Или на автобус? — Лушников приплясывал, стараясь попасть в такт ее шагам. Архипова насмешливо покосилась.

— Женечка, вы же знаете — я хожу пешком.

— Не называйте меня так. Я вам не Женечка, — возмутился Лушников.

— А кто вы? Женечка и есть. Вы моложе меня на... Короче, моложе меня. И разница в возрасте дает мне полное право называть вас Женечкой. Но в стенах факультета вы, безусловно, Евгений Петрович.

Лушников наконец подстроился под энергичный шаг Архиповой.

— Александра Львовна, что же вы опять за свое... Вы же понимаете, о чем я... — проворчал он вроде бы шутливо, но лицо его было злым. Как только он и Архипова завернули за угол учебного корпуса и оказались на безлюдной темной аллее, Евгений Петрович резко остановился, схватил спутницу за плечи и развернул к себе.

СЛУЧАЙНЫЕ ЛЮДИ

— Ты зачем так себя ведешь?! Почему ты считаешь возможным держать меня за мальчишку?! Как переспать со мной ради прикола — так пожалуйста! А как серьезно поговорить — так отстань, отвяжись, надоел!

Архипова поморщилась:

— Жень, ты сам все придумал и страдаешь от своих фантазий.

— Ты хочешь сказать, что мне все приснилось?! Я не был у тебя в квартире, мы не пили вино, и это не я рано утром уезжал в твоём лифте с твоими же соседями?!

— Ты. Ты. Ты. И мы с тобой переспали. А вот все остальное ты придумал. Мало ли кто с кем проведет ночь! Мы совершеннолетние люди, имеем право на подобные поступки. Но очень часто они ничего не означают!

— Ах вот как! — мелодраматично воскликнул Лушников. — Не означают!

Он, все еще обнимая Архипову за плечи, попытался прижать ее к себе.

— Так нельзя, ты же все видишь и понимаешь... Это свинство!

Архипова отстранилась и жестко сказала:

— Ну-ка, дорогой, вспомни, сколько раз ты проводил с женщиной ночь, а после этого в лучшем случае ей один раз звонил?! А чаще всего и не звонил вовсе! Ты даже не придавал значения этому событию — совместной ночи. Почему я должна

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

считать важной нашу шалость? Послушай, я уже давным-давно тебе все объяснила. Ничего у нас с тобой не получится. Не надо ходить за мной и выяснять отношения.

— Я не выясняю...

— О, ты постоянно это делаешь. И эти твои намеки при общем разговоре на кафедре, и эти твои взгляды... Люди все видят и понимают. Не надо себя дураком выставлять!

— Я — дурак?! И я еще дурак! — воскликнул Лушников и тут же согласился. — Я дурак, да. Я просто идиот, что попался на эту твою удочку.

Архипова уставилась на него:

— Какую удочку?

— А вот эту... — Евгений Петрович вдруг скорчил рожу, изображая, видимо, Архипову. Рот его расплылся в улыбке, брови как-то нелепо сдвинулись, и получилась неприятная мина.

— А, так это я такая?! Понимаю, — произнесла Архипова с некоторой брезгливостью, — знаешь, и еще вот из-за таких выходов ты для меня — Женечка. Просто мальчик, который зло дурачится. Прощай...

Архипова ускорила шаг. Лушников устремился за ней.

— Ладно, извини... Извините... Господи, да как угодно, только не злитесь... Не злись. Ну, не хотел я... Просто очень обидно... — заговорил он.

— Не извиняйся, — откликнулась Архипова, — все нормально. Я же сказала, я ничему не придаю

СЛУЧАЙНЫЕ ЛЮДИ

значения. Давай иди домой. День был сегодня сложный, а завтра еще и заседание кафедры. Чистяков коротко не умеет, завтра за полночь разойдемся.

Многословие заведующего кафедрой математики Григория Наумовича Чистякова стало уже легендой. Если от него требовался короткий ответ, он никогда его не давал, зато рисовал все варианты развития событий. Странно было ожидать подобного от математика, но такова была натура заведующего кафедрой. Впрочем, Архипова относилась к этому на счет возраста. Чистякову было почти семьдесят.

— Да, поеду... Александра Львовна, извините. Может... Может, кофейку? В хорошем месте? Как примирение и мое извинение? — Лушников так и не решался покинуть Архипову.

— Женя, по домам. Я устала. И хочу пройтись одна.

— Хорошо, до завтра... — Евгений Петрович резко повернулся и направился в сторону метро. Александра посмотрела ему вслед. «Жалко его. На что-то надеется. Ну а я что могу поделать. Он же... Он же почти мальчишка...» — подумала она, потом накинула на голову капюшон и медленно пошла вдоль бульвара.

Александра Львовна Архипова была красивой женщиной сорока семи лет. Большие глаза, чуть смуглая кожа, аккуратный острый нос и выразительный рот. Всю эту правильность «разбавляла»

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

прическа — на голове Архиповой всегда царил беспорядок. Ее стриженные черные волосы обычно были вздыблены — крупной волной куда-то взлетала челка, а на макушке обязательно торчали хохолки. Архипова не стремилась пригладить волосы, она вообще не обращала внимания на них. После лекций ее голова имела совсем уж лихой вид — увлекаясь, она могла окончательно растрепать свои вихры. Студенты Архипову обожали. Так дети любят красивых взрослых — в них они чувствуют гармонию, такую редкую для этого несовершенного мира.

И все же главной во внешности Архиповой была улыбка. В ней выразалось отношение к жизни, к ее проблемам, превратностям и тому хорошему, что тоже случается. Улыбка Александры Львовны была спокойной и мудрой. Но внимательный наблюдатель разглядел бы за этим и страсть, и чувственность, и даже авантюризм. Надо сказать, там, где она работала, таких внимательных наблюдателей было двое. Евгений Петрович Лушников, который был на восемь лет моложе ее, и Григорий Наумович Чистяков, на двадцать лет старше. Общаясь с этими двумя, Архипова держала глухую оборону. Остальные мужчины кафедры и факультета даже думать не могли о каких-либо шагах. В их глазах она была слишком красива и слишком язвительна. К тому же все помнили того импозантного господина, который иногда заезжал за Архиповой. Все видели,

СЛУЧАЙНЫЕ ЛЮДИ

с какой заботой, как бережно он помогает ей сесть в его огромную машину. «Куда ты лезешь — у нее все в порядке!» — сказал как-то Лушникову его друг Костя Мельников. Лушников промолчал. Он был так влюблен в Архипову, что никакие доводы, никакие очевидные факты не могли его образумить. Он продолжал поджидать ее после лекций или «случайно» ловил в близлежащем кафе.

У Архиповой действительно все было «в порядке». За плечами высшее образование, кандидатская с серьезной математической темой, преподавание на одном из самых сложных университетских факультетов. У нее имелась взрослая дочь, которая училась в Барселоне и жила на две страны — Россию и Испанию. Архипова в свое время купила прекрасную квартиру в районе Сокол и обставила ее по своему вкусу. Нечастых гостей удивлял не только стильный интерьер, но и умение Александры «раздобыть» такие элегантные и необычные предметы: мебель, картины, безделушки. Впрочем, много места в ее доме занимали старинные семейные фотографии, документы, заботливо взятые под стекло и привлекавшие теперь внимание старинной каллиграфией. Каждый, кто попадал сюда, понимал, что родственные связи и история предков — не пустой звук для хозяйки. Особенным местом в ее доме была кухня. Большая, с круглым столом под белой скатертью, с огромной вазой, всегда полной фруктов. Вокруг стола распо-

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

ложились удобные мягкие стулья. Светильник висел прямо над столом, легкие занавески на большом окне раздвигали пространство. В этом помещении хотелось находиться — таким уютным, приглашающим все выглядело. Но несколько сбивала с толку медицинская чистота электрической плиты, разделочного стола и красивых медных кастрюль, развешанных по стенам.

— Давайте выпьем кофе, — всегда говорила Архипова гостям и добавляла: — Я сама не готовлю. Не люблю, да и времени нет. Но в моем холодильнике много полуфабрикатов. А еще можно заказать пиццу.

Она не кокетничала, не морочила голову. Она терпеть не могла возиться на кухне, а любое пятнышко на кастрюльной меди выбивало ее из колеи. Главной помощницей у нее была микроволновая печь, где она разогревала себе готовую еду, а вечным спасителем — тот сам благообразный господин, который заезжал за ней на работу.

Станислав Игоревич Бажин был знаком с Архиповой лет тридцать. То есть они дружили с «нежных» лет. Сначала это были соседские отношения мальчика и девочки, потом первые свидания и поцелуи, затем студенческие годы и свадьба Александры, за которой последовал срочный отъезд Стаса в далекую страну, где национальным блюдом считается фасоль в остром соусе, а украшения из бирюзы славятся на весь мир. В этой стране Станислав проработал несколько лет и по удивительному

СЛУЧАЙНЫЕ ЛЮДИ

стечению обстоятельств вернулся в тот самый год, когда Архипова, забрав маленькую дочь, ушла от мужа. Развелась она быстро и без сантиментов. На все вопросы окружающих отвечала:

— Мой муж — прекрасный человек. Он отличный отец, но жить нам лучше раздельно.

Станислав, убедившись, что уже не будет яблоком раздора, занял позицию в непосредственной близости от Архиповой и ее дочери. Эти позиции касались всего — заботы о жилье, деньгах, здоровье и прочем. Архипова некоторое время понаблюдала за всем этим и вызвала Стаса на разговор.

— Стас, я не выйду за тебя замуж. Ты просто должен это знать. Советую найти хорошую жену и устроить свою жизнь.

На что Стас спокойно ответил:

— Еще не вечер. Посмотрим. А женщину я уже нашел. Это ты.

Забегая вперед, можно сказать, что Стас так и остался при Архиповой. Несколько лет у них был роман. Страстный со стороны Бажина, спокойный со стороны Александры. Именно в те дни, наблюдая за ней, Бажин произнес:

— Тебе очень удачное имя дали твои родители. Ты именно Александра. Не Саша — Саня — Шура, а Александра. Гордая, самостоятельная, уверенная в себе. Из таких, как ты, получаются настоящие защитники.

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

— Ты намекаешь на греческое значение моего имени? — улыбнулась Архипова.

— Да. За тобой как за каменной стеной. И даже самый мужественный человек будет ощущать себя ребенком рядом с тобой.

— Только не ты. Я себя чувствую маленькой рядом с тобой. Ты же такой сильный, спокойный... — Архипова поцеловала Стаса.

Тот растаял, было видно, как приятно ему похвала. Архиповой стало неловко и даже стыдно — она не баловала Стаса лаской. Все, что он делал, казалось ей нормой. «Мужчине положено заботиться о женщине. Все помнить, все предугадывать, обо всем беспокоиться!» — совершенно искренне думала она. Впрочем, это ее убеждение не мешало ей жить так, словно на этом свете она одна и на помощь ей прийти некому.

Отношения Архиповой и Стаса продолжались несколько лет. Потом он сделал ей предложение, но Александра отказалась. Она не любила его, хотя и ценила человеческие качества. Бажин был умен. Он не поинтересовался причиной отказа, немного отошел в тень, но Архипову не оставил. Александра опять вызвала его на разговор.

— Тебе надо жениться. Время идет. У меня дочь растет. А у тебя никого нет. Это нехорошо.

Бажин послушался ее. Женится на даме средних лет, прожил с ней два года, благополучно развелся и опять оказался вблизи Архиповой. Теперь уже,

СЛУЧАЙНЫЕ ЛЮДИ

похоже, навсегда. Он ни на что не претендовал, но тем не менее отвоевал себе два дня в неделю, которые они проводили вместе. Театры, прогулки, рестораны, пикники, разговоры по душам, общие знакомые — в эти два дня они успевали многое. Не было только секса. Никто не задавал друг другу вопросов. Архипова догадывалась, что у Стаса бывают какие-то встречи. Мужчиной он был интересным, полным сил. Стас же, прежде чем пригласить ее куда-нибудь в эти два дня, деликатно выяснял, нет ли у нее каких-либо планов.

— Нет, на «наши» дни у меня планов быть не может! — смеялась она. Ее личная жизнь была скудной — времени мало, работы много, мужчины, которые ее окружали, интереса не вызывали.

Эти двое нашли свой собственный формат, в котором обоим было комфортно. И, когда подруги Архиповой фыркали, она объясняла:

— Дружба вместо любви — это почти невозможно. А вот дружба после любви — отличный выход из сложного положения.

Глава вторая

ДОРОГИ, КОТОРЫЕ НАС ЗАКАЛЯЮТ

В жизни каждого человека есть события, которые определяют всю его жизнь. Говорят, даже упавший под ноги желудь несет ценную смысловую нагрузку и может в будущем повлиять на судьбу. Так это или нет, никто наверняка не знает. Но, оглядываясь назад, люди часто произносят фразу: «Вот если бы этого не случилось...» И дальше следует вздох радости или сожаления. Мы с готовностью наделяем события особым смыслом.

В жизни Архиповой было много всего. И хорошего, и плохого. Но несколько эпизодов поменяли ее жизнь резко и бесповоротно.

Александра выросла в хорошей семье. Под словом «хорошая» подразумевается не только материальное благополучие. Семья имела бабушек и дедушек, доживших до глубокой старости и сохранивших с молодым поколением теплую связь. Благополучие заключалось и в способности ее ро-

СЛУЧАЙНЫЕ ЛЮДИ

дителей принимать неожиданные решения: например, уехать из Москвы в далекий Краснотурьинск и работать там на огромной, только что построенной электростанции. Отец и мать, люди с высшим техническим образованием, быстро продвигались по служебной лестнице, и вот уже за отцом приезжает черная машина, а маленькую Александру в музыкальную школу отводит няня. Материальное благополучие в этом доме выражалось не в спеппайке или закрытых распродажах. Вернее, не только в этом. В доме были прекрасный рояль, красивая мебель, картины и дорогая посуда. Жизнь здесь кипела трудовая, иногда без выходных, но и быт был красивым, достойным. В будущем Александра многое переняла из тех дней. Особенно она полюбила фразу матери: «Порядок освобождает мысль». И в свою взрослую жизнь Архипова из тех времен взяла эту заповедь — у нее никогда не было хлама.

Александра, возвращаясь памятью к тем дням в Краснотурьинске, обычно вспоминала мелочи. Как отец принес в школу котенка в кармане и подарил изумленной учительнице. Как она в старших классах решила подработать и играла перед сеансами в центральном кинотеатре города. Ее знали все — она была дочь главного инженера электростанции, и потому уже на второй день родители могли оценить предприимчивость дочери. Мама поджала губы, что было большим наказанием. Отец только хмыкнул. Еще она помнила томатный сок за

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

десять копеек и докторскую колбасу на серо-белом хлебе. Этим можно было угоститься в гастрономе напротив школы. Что она и делала, сбегая с уроков. Ее жизнь была интересна — родители, любившие музыку и театр, приобщали к этому дочь. Ее жизнь была беспечна, красива и полна детских и юношеских радостей. Все это оборвалось в самом конце школы. Архипова перешла в восьмой класс, когда отец объявил о разводе.

С одной стороны, Александра была уже достаточно взрослой и кое-что замечала. Между родителями что-то давно нарушилось. Но ей и в голову не могло прийти, что случится разрыв. Впрочем, их решение было сущей ерундой по сравнению с тем, что происходило потом. Отец, собиравшийся опять жениться, принялся делить имущество. По меткому замечанию Александры, дележ был «справедливым» — им с матерью достались все вилки. Все гнутые и поломанные вилки. Александра была потрясена жадностью и непорядочностью отца. В один из тех дней мама ей сказала:

— Квартиру будем разменивать. Либо двухкомнатная в Краснотурьинске, либо крошечная однушка в Москве.

Александра махнула рукой:

— Мама, мне уже все равно!

— Тогда мы уезжаем в Москву, — сказала мать.

И много лет спустя Архипова поняла это решение. Она оценила не только практичность его, но

СЛУЧАЙНЫЕ ЛЮДИ

и смелость. В достаточно зрелом возрасте ее мама осталась без всего — без мужа, работы, жилья. Но она готова была начать все заново в большом городе, где у ее дочери могло быть больше возможностей. А ведь так легко было остаться в пресловутой «зоне комфорта». Почти родной город, высокооплачиваемая работа, соседи, друзья, наконец, хорошая немаленькая квартира. Но она поступила иначе. И много позже, когда Архипова получала очередной диплом или грамоту за свои работы, она думала о маме. «А смогла бы я всего этого добиться, если бы мама осталась в Краснотурьинске?!» — думала она.

Сам переезд был ужасен, и в доме его никогда потом не вспоминали. Они улетали на самолете, вещей было всего два чемодана. А когда переступили порог московской квартиры, охнули в один голос. Однушка была в старом блочном доме, с четырехметровой кухней, сидячей ванной и комнатой пятнадцать метров. В прихожей два человека не могли разойтись. Но главным было состояние квартиры — внешне вроде порядок, и при этом она казалась совершенно разбомбленной. Замене подлежало все: сантехника, раковина на кухне, шербатый паркет.

— Ну, — не моргнув глазом произнесла Александра, — площадь небольшая, денег на ремонт понадобится немного.

Она что угодно отдала бы, чтобы не видеть тогда лицо мамы. Если до сих пор главными преступле-

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

ниями отца были измена и жадность, то сейчас выяснилось, что он врал, обещая им «маленькую, но уютную квартиру». Глядя на их новое жилье, они обе вспомнили, как он торопил их с переездом.

— Не задерживайтесь. В Москве ждать не будут, квартира хорошая. В прекрасном состоянии.

Ни мать, ни Александра не могли до конца поверить в низость отца. А тот сэкономил на своих близких. Много позже мама скажет Александре:

— Знаешь, ему и в голову не приходит, что мы еще можем ему понадобиться. Он не думает о будущем...

— А у него нет будущего, — жестко ответила Александра. Отец был вычеркнут из ее жизни. И причиной тому стала не утрата благосостояния, а предательство.

Если иллюзии у Александры и имелись, то рассеялись они мгновенно. Ее жизнь поменялась так круто, что даже в книжках про такое читается с недоверием. В краснотурьинской школе Александра училась хорошо. Вернее, у нее были пятерки по алгебре, геометрии и физике. Далее шел резкий перепад. По геометрии — твердая четверка, а по остальным предметам оценки ей безбожно завышали, дабы не погубить будущего талантливого математика. Или талантливую пианистку. Дело в том, что с шести лет Архипова училась музыке. В местной музыкальной школе она быстро стала звездой, принимала участие во всех конкурсах, даже ездила

СЛУЧАЙНЫЕ ЛЮДИ

в Москву и заняла второе место по классу фортепиано среди своих сверстников. Музыка она любила точно так же, как и математику. И в этой странной привязанности к науке и искусству одновременно заключалось своеобразие ее характера. Она любила точность, при этом и романтизм ей был не чужд. Ее поступки были продиктованы разумом, но она запросто могла пойти на поводу у эмоций. Развод родителей пришелся на окончание седьмого класса, и в Москву она приехала, чтобы отучиться в школе и принять решение, куда поступать.

Нарушение жизненного уклада и предательство близкого человека может сломить даже взрослого человека. Что говорить о девочке-подростке! Пока мать устроилась на работу, деньги, полученные на прежнем месте в Краснотурьинске, растаяли. И то сказать, их хватило надолго. На прежнем месте мать знали, как и ее мужа, и весь небольшой город был в курсе их развода. К ней относились хорошо и всеми правдами и неправдами выплатили премию, большие отпускные, насчитали все сверхурочные. Люди отлично понимали ее ситуацию. Но какая бы сумма ни была, устройство на новом месте требовало немалых средств. У них имелся минимум посуды, одежды, постельного белья. Александра ходила в новую школу, но делала это как-то автоматически. Все ее мысли были в будущем. На сверстников она смотрела как на школяров, которым бы только тусоваться. Ей же надо было самостоятельно решить главную

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

проблему — куда поступать. Про музыку она забыла. «Сейчас не время!» — ответила она матери, когда та предложила взять инструмент напрокат. Была такая услуга, которая пользовалась большой популярностью. Александра понимала, что дело не во времени, а в том, что, во-первых, пианино займет все пространство их крошечной квартиры, а во-вторых, лишних денег не было, чтобы за прокат платить. Но самое главное, музыка теперь ей казалось чем-то далеким и совершенно бесперспективным. Впрочем, первый заработок ей принес цикл детских пьес Петра Ильича Чайковского. Родители одноклассницы попросили ее позаниматься с их младшей дочерью.

— Пять рублей, — не моргнув глазом объявила Архипова.

— Пять рублей! — охнули те. В восьмидесятые годы это были вполне приличные деньги.

— Так с вашей дочерью будет заниматься лауреат и победитель конкурсов. Свои грамоты и дипломы принесу на первое занятие.

Удивительно, но родители одноклассницы согласились, хотя цена была такой, какую брали профессиональные педагоги. Но то ли Архипова произвела впечатление, то ли не надо было родителям подстраиваться к приходу по времени, то ли еще что-то, но они согласились. Александра в итоге заработала не пять рублей, а одиннадцать.

— За первое занятие я взяла пять, поскольку не знала, что за ученица. Есть такие, с которыми все

СЛУЧАЙНЫЕ ЛЮДИ

нервы измотаешь, — веско сказала она и добавила: — Ваша дочь хорошо играет и выучит все в срок. Нужно будет еще два дня. По три рубля за занятие.

Родители, не торгуясь, выложили деньги. Когда об этом узнала мама, она пришла в неопикуемый ужас. И помчалась уже отдавать назад заработанное, но Александра произнесла:

— Мама, а когда я заработаю свою первую зарплату, ты ее отдашь моему начальнику?

Та растерялась:

— Но это же сестра твоей одноклассницы...

— Но это же работа... — возразила дочь, — честная, добросовестная. Я теперь знаю, что смогу быть репетитором.

И, пользуясь моментом, сказала:

— Мама, я пойду в вечерний институт и устроюсь на работу. Давай даже не спорить на эту тему. Никаких дневных вузов.

Мать так растерялась, что ничего не ответила. Александра же вздохнула с облегчением — самое главное она сказала.

Все случилось так, как она планировала. Получив аттестат, Архипова пошла работать в вычислительный центр одного из НИИ, который располагался рядом с домом. Устроилась легко. Начальнику понравилась ее уверенность, и он задал пару вопросов из курса алгебры. Архипова ответила все правильно и добавила то, что вычитала в одном из журналов.

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

— Вы увлекались математикой. Я вижу у вас отличные оценки по этим предметам. Зачем вы пришли к нам? Ведь работа здесь примитивная, почти секретарская.

— Я буду поступать на вечерний. И мне нужно работать.

— Да вы с ума сошли! С вашими-то способностями... Меня не обманешь. Я столько тут повидал, — покачал головой начальник.

Архипова заглянула в бумажку, где записала его имя.

— Вячеслав Михайлович, позже. Немного позже. Пока нам с мамой надо на ноги встать.

Начальник внимательно посмотрел на Александру.

— Понимаю, но имей в виду, что жизнь затягивает. Мелкие дела занимают много времени и отвлекают от главного. Поэтому...

— Я знаю, но выхода у меня пока нет. Вы берете меня?

— Да, иди в отдел кадров.

Вячеслав Михайлович Дробыш вздохнул и отдал Архиповой подписанную бумагу.

Нельзя сказать, что поступление на работу означало начало взрослой жизни. Архипова стала взрослой раньше, в момент развода родителей. Еще не получив аттестата, она четко понимала свои цели и задачи, а также то, что ответственность за их

СЛУЧАЙНЫЕ ЛЮДИ

маленькую семью лежит и на ней. Поэтому решения она принимала спокойно, без излишней торопливости.

На вечерний она поступила легко — в тот год популярностью пользовались гуманитарные вузы. Конкурс в технические был невелик. К тому же Архипова сдала все на «отлично». Вячеслав Михайлович Дробыш зашел ее лично поздравить с событием, а еще через несколько месяцев вызвал к себе.

— У нас освобождается место в одном отделе. Я тебе предлагаю перейти туда. Вполне справишься. И денег больше, и сможешь перевестись на дневной.

— Это как же? — удивилась Александра.

— Будешь приходить три раза в неделю после обеда. Сама сообразишь, как это устроить.

Много раз потом Архипова вспоминала Дробыша, этого спокойного, неприветливого на первый взгляд человека. То, что он ей тогда помог, сыграло чуть ли не главную роль в ее дальнейшей жизни. Во-первых, она действительно перевелась на дневной, и не в своем вузе, а в физико-техническом. Пришлось сдать пару экзаменов. Архипова похудела за это время на несколько килограммов, но справилась. В физико-техническом было немного девушек, но те, которые там учились, пришлось ей по душе. Умные, самодостаточные, они не сбыва-

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

лись в галочки стаи с целью охмурить однокурсников. Нет, конечно, случались романы, но у физиков и математиков выглядело это как-то солидно. Распорядок жизни тоже поменялся — Архиповой дали место в общежитии. Студенческий городок в ближайшем Подмосковье имел несколько корпусов, и жили в них в комнатах по двое. Теперь Архипова приезжала в Москву только в те дни, когда работала в институте. Остальное время она проводила в Долгопрудном. Мама по этому поводу переживала, но Александра была непреклонна.

— Мне так удобнее, мы с тобой видимся в те дни, когда я работаю.

Александра специально так поступала. Во-первых, она хотела, чтобы мама была свободна от домашних хлопот, во-вторых, надеялась, что у матери появится личная жизнь. «Она молодая женщина, у нее должны быть знакомые, даже в гости пригласить на чай надо иметь возможность», — думала она. Потихоньку они обустроили свою крохотную квартиру — в ней стало уютно и красиво. Архипова помалкивала, когда они вешали новые занавески или красили оконные рамы. Но в голове у нее был план, который она собиралась претворить в жизнь любой ценой. Ее целью была большая просторная квартира в хорошем районе Москвы. Даже сейчас, когда у нее имелись стипендия и небольшая зарплата, она ставила перед собой грандиозные задачи.

СЛУЧАЙНЫЕ ЛЮДИ

Учеба в серьезном и уважаемом вузе дорогого стоила. Окружение держало в тонусе — рядом были талантливые ребята из математических интернатов, одаренные школьники, получившие аттестаты на два года раньше сверстников. Были просто способные трудяги. Все вместе они составляли костяк курса. Архипова без труда влилась в это сообщество — она была талантлива и без труда завоевала место под солнцем. Очень скоро ее стали признавать не только однокурсники, но и преподаватели. Както ее вызвали в деканат и предложили поучаствовать в межвузовском конкурсе. Она согласилась, даже не думая. В этот период она вообще бралась за все, что предлагали, и за все, что сама находила. Ей важно было наработать багаж не только знаний, но и знакомств, связей. Она любила повторять пословицу «Скажи, кто твой одноклассник, и я скажу, кто ты». Нет, она не собиралась паразитировать на связях, но прекрасно понимала, что общение может принести ту информацию, которая окажется полезной.

Собственно, так и случилось. Один из ее однокурсников позвал ее преподавать. И, хотя сначала она читала лишь пару лекций в неделю, Архипова поняла, что поднялась еще на одну ступень. Дело было не в престижности вуза, а в том, что она приобрела еще один полезный навык.

Впрочем, времена потом наступили суровые, и Архипова совершенно спокойно сочетала препода-

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

давание, научную работу и подработку в овощной палатке. Мама темнела лицом, когда видела, как устает дочь, но та упрямо шла к своей цели. А той, как уже говорилось, была собственная большая квартира.

В жизни каждой женщины бывают моменты, когда она отдается «воле волн». Иногда это происходит из-за чувства, которое ее охватывает, иногда от усталости, иногда — от желания убежать от реальности. Наверное, с ней случилось именно это. Человек, которого она встретила, имел достойную военную профессию и был всем хорош — красив, умен, а главное, легок на подъем. Александре, всегда мобильной и энергичной, последние годы жизни казались чем-то тягучим. Она, скованная по рукам и ногам обязательствами и долгом, не могла ни на мгновение отвлечься от бытовой и рабочей карусели. А силы были уже на исходе, и терпения оставалось очень мало, и радость от побед почти не ощущалась, именно в этот момент она познакомилась с бравым морским офицером, который увез ее во Владивосток. Ее свадьба и последовавший за ней отъезд потом напоминали ей фантазмагорию. Так все было неожиданно. Ей сделали предложение на третью встречу, в четвертый его приезд они расписались и уехали. Архипова смотрела на маму и не понимала, как же расценивать этот свой поступок — испытывать вину, что оставляет мать

СЛУЧАЙНЫЕ ЛЮДИ

в Москве, или радоваться, что та обретет некоторую свободу и возможность пожить своей жизнью.

Там, куда уехала Александра, оказалось красиво. И люди там были смелые, спокойные, готовые ко всему. Александра научилась готовить поросенка с гречневой кашей — обязательная традиция встречи возвращающихся из похода. Она разделяла хлопоты с соседками, такими же офицерскими женами. Она накрывала огромные столы, варила борщ на всех подчиненных мужа. Она влилась в эту жизнь и стала счастлива — рядом был любимый человек. А еще она полюбила этот край. Ей казалось, что ничего богаче и краше в этом мире нет.

Долгожданную дочку она рожала в Москве, но почти сразу увезла ее назад, на Дальний Восток. Отец пришел из очередного похода и увидел не младенца, а симпатичную глазастую девицу, которая с силой дернула его за нос.

Развелись они так же стремительно, как и поженились. Причину Архипова никому не говорила, окружающие даже не пытались допытываться, зная ее характер. Все только строили догадки. Но когда подросла дочь, Архипова не только внушила ей, что отец — достойный человек, который ее очень любит, но и объяснила, что взрослые люди иногда не могут договориться о том, что имеют право делать, а что — нет. Только Стас Бажин, вернувшийся из своей дальней командировки, узнал правду. Алек-

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

сандра рассказала ему о тайном романе мужа. Когда же правда открылась, она собралась в Москву в двадцать четыре часа. Недаром прожила с военным несколько лет.

Да, действительно, причина расставания была банальной. Необычным стало то, что встреча с любовницей мужа произошла без скандалов, а потом женщины поддерживали не дружеские, но ровные отношения — их дочери, сестры по отцу, в дальнейшем стали близкими людьми. Жизнь совершила крутой поворот, а эти две умные женщины драму превратили сначала в фарс, а потом в веселую историю про то, как влюбились в красивого и мужественного моряка. Сам моряк, муж и любовник, долго не мог поверить, что его в одночасье бросила любовница, а жена, собрав стремительно вещи, вылетела в Москву, где и подала документы на развод. Никакие переговоры ни с той, ни с другой ни к чему не привели.

Отдельной и очень занимательной была история разоблачения неверного. Как-то вернувшись из командировки и открыв дверь квартиры, он увидел жену.

— Тсс, тихо! — она прижала палец к губам.

— Зайка спит? — осведомился муж, имея в виду дочь.

— Ага, — ответила жена.

Они тихо поужинали, обменялись новостями, хотели было включить телевизор, как из другой

СЛУЧАЙНЫЕ ЛЮДИ

комнаты вышла любовница. В халатике и с заспанными глазами.

— Ты?! — изумился муж.

— Я, — просто ответила любовница.

— Она, — подтвердила жена.

— Как?! — изумился он.

— Самолетом, — просто ответила любовница.

— Ну да, самолетом, — подтвердила жена.

— А почему у нас?

— А где ж ей еще останавливаться, как не у родных людей? — изумилась жена.

Муж потребовал водки.

— У нас еще осталось? — осведомилась любовница.

— Да, налей ему, пожалуйста, — попросила жена.

После того как он выпил, они ему рассказали, как любовница приехала по его же приглашению, будучи уверенной, что делает ему приятный сюрприз.

— Ты же меня приглашал. Адрес, конечно, точный не оставил. Но в общих чертах рассказал. А тут уж добрые люди мне подсказали, где ты живешь. Знаешь, такие у вас улыбчивые и участливые соседи. Все объяснили, все показали, только что до дверей не проводили и про жену с ребенком не рассказали.

— У нас да... люди... — рассеянно сказал муж. Он представил, какими веселыми сплетнями сейчас кишит военный городок.

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

— Да, люди хорошие и отзывчивые, — вступила в разговор Архипова, — если что — они помогут. Ну, там борщ сварить, котлеты пожарить, постирать...

— Это как? — не понял муж.

— А я улетаю. С дочерью. Даже вещички наши собрала. — Архипова развела руками.

Муж подумал, что, если она уедет, он сойдет с ума.

— И я. Тоже улетаю. У нас билеты на один день. Почти в одно и то же время, — добавила любовница и лучезарно улыбнулась.

Муж подумал, что она все же очень красивая.

— А я? — растерялся он.

— А мы не знаем, как ты... — произнесли в один голос женщины.

Муж ночевал у сослуживца, женщины остаток ночи провели в сборах. Вечером следующего дня они выехали в аэропорт.

За те два дня, которые жена и любовница провели вместе, они помогли другу другу понять, что шансов ни у той, ни у другой нет.

— Знаешь, — сказала Архипова любовнице своего мужа, — мы даже не можем быть уверены, что нет третьей.

— Или четвертой... — вздохнула та.

* * *

Жизнь в Москве была настолько непростой, что Архипова не успевала переживать по поводу развода. Уйдя от мужа, она начинала с нуля — рабо-

СЛУЧАЙНЫЕ ЛЮДИ

та, детский сад, мама, которая стала часто болеть. И была главная проблема их жизни — жилье. В той самой, по словам отца, «хорошей и удобной квартире» разместиться троим оказалось невозможно. Архипова спала на раскладушке, которая еле-еле помещалась на кухне, ее маленькая дочь с мамой — на диване в единственной комнате. Была проблема со стиральной машиной, которую оказалось негде поставить, с письменным столом, который вскоре понадобился подростковой дочери. Одежду они хранили в коробках или развешивали на спинках трех стульев. Всех проблем этой квартирке было не сосчитать. Иногда, когда мама и дочь засыпали, Александра вертелась без сна, пытаясь придумать, как выйти из положения и решить проблему с жильем. Конечно, она могла обратиться к Стасу Бажину, который вернулся из командировки. По-прежнему в нее влюбленный, он был готов в любую минуту прийти на помощь. Но Архипова — честная и принципиальная — не хотела обращаться к человеку, который ее, несмотря ни на что, любил, но которому она не могла ответить взаимностью. Александра ломала голову, иногда плакала. Наутро она вставала с больной головой, бежала читать лекции, принимать «хвосты», заседать на кафедре. И слушая долгие выступления коллег, опять же возвращалась мыслями к их малюсенькой квартирке. Однажды, выйдя поздно вечером после работы, она почувствовала голод. Ехать было долго, и она купи-

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

ла в палатке блины с сыром. Пока умелая тетка разливала на толстых кругах тесто, Архипова разглядывала белые ведерки с начинкой. «Ну, сыра здесь примерно процентов сорок. Остальное — дешевый майонез. Лук, зелень. А стоит это дело недорого, но и не копейки. Сытно, жирно и горячо», — думала Архипова.

— А вы хозяйка павильона? — спросила она тетку.

— Ага, в аренду взяли. Или как это называется...

— Франшиза, — подсказала Александра.

— Вот именно.

— И как?

— Нормально. Долг за машину отдала. Работаю полгода, — весело ответила тетка, передавая Архиповой горячий блин в фольге. Впрочем, она тут же спохватилась: — Ну, дни разные бывают, а еще проверяющие... и вообще. Короче, тяжелое это дело...

— Я понимаю, — ответила Архипова и чуть не захлебнулась слюной. Блин был ароматный.

Ночью она пила лекарство от изжоги и строила планы, потом долго стучала по клавишам калькулятора. Через две недели она в соответствующем учреждении оформила документы, взяла в аренду палатку и стала торговать сосисками, сардельками и колбасой. Товар брала через отделы оптовых продаж московских мясокомбинатов.

В доме к этому отнеслись несколько настороженно — мама все еще вспоминала, что дочь должна была стать пианисткой.

СЛУЧАЙНЫЕ ЛЮДИ

— А как же преподавание? — робко спросила она.

— А что с ним не так? — пожала плечами Александра. — Три дня в неделю преподаю, остальное время торгую.

— Ох, — только и сказала мама.

— Все нормально, — весело ответила Архипова и впервые за долгое время ночь, проведенная на раскладушке в кухоньке, была безмятежной.

Дело у нее пошло. Правда, сначала она являлась на работу одетой кокетливо — хозяйшкa такая колбас и шпикачек. Но к концу дня она дико замерзала, у нее коченели ноги, и очень быстро Архипова перестала отличаться от других розовощеких торговочек — шапка на глаза, пуховик со следами жира на животе, поверх которого она иногда натягивала голубой нейлоновый халат. На ногах зимние сапоги-дутики.

— Знаешь, это хорошо, что можно так одеваться. Плохо, что ты мерзнешь, но хорошо, что можно кутаться так.

— Ну да... — с недоумением отвечала Архипова.

— ...Тебя никто не узнает в такой одежде... — стесняясь, пояснила мама.

Архипова расхохоталась:

— Мама, меня это вообще не заботит.

Но, если мама тихо переживала, понимая, что перечить дочери нельзя, то Стас Бажин, появившийся у ее палатки к концу рабочего дня на ши-

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

карном «Мерседесе» и с огромным букетом, был сломлен.

— Тебе зачем это надо? — в ужасе спросил он, указывая на ее облезший маникюр.

— А? Так завтра на работу, я успею накрасить ногти.

Бажин помялся, потом спросил:

— Слушай, чего ты хочешь? Что тебе нужно? Давай я сделаю. Иди читай лекции, играй на рояле, учи детей! Или вообще ничего не делай!!! Только уйди с этого холода, из этой грязи...

— Стас, здесь чисто. И колбасу покупают не только в магазинах. Вот смотри, метро — это значит, что женщины усталые выйдут из него и должны еще куда-то заходить. А тут я! У меня все есть для ужина, завтрака, обеда. Это ж экономия сил. И у меня недорого. Я честно взвешиваю.

Последнее было правдой. Рядом имелся еще один киоск. Там торговали молочными продуктами и колбасой. К Александре стояла очередь, к соседям — пара человек.

— Почему так? — спросил Бажин.

— А я с походом взвешиваю. Чуть-чуть, десять-двадцать граммов. Мне это не в убыток. А покупателю приятно и доверие вызывает.

Архипова в таком режиме проработала два года. Потом заняла у знакомой недостающую сумму и купила ту самую квартиру на Соколе. Во всех историях в этом месте следуют слезы умиления, усталости

СЛУЧАЙНЫЕ ЛЮДИ

и торжества. Только это было не про Александру Архипову. Она и радость пережила спокойно, поделовому. Просто поставила перед собой еще одну задачу — дать дочери хорошее образование.

Правда, потом, много лет спустя, она хвалила себя не только за то, что не побоялась этой адской нагрузки, но и за то, что не привередничала, не тянула с выбором жилья. Ее маме довелось прожить в новой квартире совсем немного, недолго была у нее долгожданная отдельная комната с удобной мебелью, любимыми книгами.

И то время наступившего покоя и заслуженного благополучия Александра помнила всегда.

Жизнь в собственной квартире, выбранной и обустроенной по своему вкусу, среди дорогих сердцу семейных вещей наполняла ее силой. Теперь, когда ей не спалось, она прислушивалась к тишине в соседних комнатах, размышляла о дочери, маме, о том, что же ее ждет дальше. Иногда она думала о бывшем муже. Но эти мысли были, скорее, «машинальными». Так вспоминают ничем не примечательную улицу, по которой когда-то ходил, но название так и не запомнил. Она сама удивлялась этому — их брак начинался страстью, потрясающим сексом, желанием не расставаться. Закончился он... «А закончился он замечательной дочерью! Не скандалом, не изменами, не враньем и странной ситуацией с приехавшей любовницей!

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

Он закончился замечательной дочерью!» — как-то подумала Архипова, и этой части жизни навсегда было отведено соответствующее место в ее душе.

Дальше ее жизнь потекла в обычных хлопотах. Рядом был Стас Бажин. Она знакомилась с мужчинами, за ней пытались ухаживать пылко, с размахом, даже делали предложение руки и сердца. Но Архипова не торопилась. Она иногда вступала в отношения, но сразу предупреждала, что свобода для нее важнее всего. Мужчины настаивали, не понимая, что же все-таки движет этой красивой и чувственной женщиной. А она не хотела им объяснять, что, пока не вырастит дочь, мужчины в ее доме не будет. Не станет она, Александра, идти на неизбежные компромиссы и выбирать между ребенком и мужчиной. А этот выбор встает всегда.

Глава третья

МОРКОВКИН

Писатель Аркадий Морковкин давал интервью. Они с корреспондентом, молодым человеком в подвернутых штанишках, сидели в одном из дорогих столичных баров. Вокруг них вертелся оператор. Выставили правильный свет, посетителей в эту часть бара не пускали. Кругом была кожа диванов, темное дерево и золотистый свет круглых плафонов. Корреспондент чувствовал себя не очень комфортно — его мучила мысль о том, кто будет платить за кофе, минеральную воду и маленькое шоколадное пирожное, которое стояло перед писателем. Морковкин выглядел уверенным, жесты его были плавными, речь барской.

— Сереженька, свари еще кофе! — обратился он к парню за стойкой.

— А может, пива, Аркадий Васильевич? Отличное пиво... — на правах давнего знакомого откликнулся тот.

При слове «пиво» корреспондент заерзал. Морковкин улыбнулся:

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

— Сережа — бог по части кофе. Он умеет специи добавлять. Как надо. Чтобы вкус не грубел, а имел оттенки.

Корреспондент кивнул уважительно, а про себя отметил: «Заядлый кофеман. У писателей это профессиональный напиток. По ночам пишут, когда вдохновение приходит... Надо будет это как-то упомянуть...»

Когда на столике появилась вторая чашка кофе, корреспондент кивнул оператору:

— Аркадий Васильевич, мы встречаемся с вами, когда выходит в свет ваша новая книга. Хочется поздравить вас, но, с другой стороны, вы автор не одного, даже не двух романов...

«А целых трех!» — саркастически подумал про себя Морковкин. Вслух же он произнес:

— Спасибо. Поздравлять надо. Во-первых, это очень приятно. А во-вторых, труд автора очень тяжел. Он изматывает, лишает жизненных соков... Все отдаешь этим чувствам, этим мыслям, этим переживаниям. Все отдаешь этим бумажным листам... Они дороги каждому творцу. Нет, я не буду опускаться до пошлости и называть книгу ребенком. Эти вещи сравнивать нельзя. Но книга похожа на женщину — ты ее любил, боготворил. Она тебя злила, очаровывала, возбуждала, но ты овладел ею. А теперь она уходит. Уходит, чтобы навсегда остаться с тобой...

— Какое смелое сравнение! — воскликнул корреспондент и переменял позу. Он в своих подвер-

СЛУЧАЙНЫЕ ЛЮДИ

нутых штанишках все время съезжал с кожаного дивана.

— Ну, не такое смелое... Верное, да! — снисходительно кивнул Морковкин. Он тоже переменял позу. Его вид излучал энергию. Ему надо было показать, что разговор о творчестве безумно интересен и ему есть что сказать новому поколению.

— И вы знаете, каждый раз, когда я отдаю рукопись в издательство, у меня болит сердце... — Морковкин добавил голосу тепла и мягкости.

— Как интересно... И ведь никто из нас, кому недоступна роскошь творчества, даже не догадывается о том, что происходит с писателем, — глубокомысленно заметил корреспондент и добавил: — Аркадий Васильевич, а я начал читать ваш роман...

— И что же? — чуть подпрыгнул Морковкин.

— Э... Ну, я должен сказать, что очень, очень...
... но есть один момент...

— Какой же?!

— У вас сложная, тяжелая история. Но вы сумели ее рассказать красиво. Даже в самых неприглядных ситуациях сквозит щемящая первозданная красота. Помните, как героиня вызывает у себя рвоту, чтобы разжалобить любовника? Показать ему, что серьезно больна?

— Как же, как же.. — энергично закивал Морковкин, а сам подумал: «Что же ты, дурашка, нашел в этой идиотской сцене?! Да еще первозданного?! Эту сцену убрать надо было, убрать!»

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

— ... Там красота уродливого поступка. Это красота наизнанку...

— О, вы думающий читатель, — важно покивал головой Морковкин, — побольше бы таких...

— А нам бы таких писателей, которые эстеты в высоком смысле слова. И вообще, у вас талант видеть красоту, ощущать ее, использовать ее. Простите, даже то, как вы одеты! Это вкус, элегантность. У вас талант многогранный, и красота для вас — органичное состояние.

«Нормально парень вывернул. Надо развить идею. Я певец красоты жизни. А в ней нет уродства. Это люди придумали... — быстро соображал Морковкин, — парень льстит, да ладно. Главное, у канала рейтинг высокий. А реклама не помешает».

Аркадий Морковкин благостно улыбнулся. Сейчас он стал похож на колобка, которого нарядили в дорогой кэжуал. Морковкин продумал свой образ до мелочей — дорогой твидовый пиджак, бархатом лоснящиеся коричневые вельветовые брюки, тонкий джемпер цвета кофе. На голове непременно кепка. Дорогая, с пуговицей на макушке. Очки писатель носил необычные — одно стекло в круглой оправе, второе — в квадратной. Впервые увидев такое, человек сначала не понимал, в чем дело — так люди привыкли, что стекла одинаковые. Готовясь к интервью, Морковкин обычно клал в нагрудный карман дорогую сигару. Доставал он ее где-то на середине беседы, нюхал, начинал вертеть в руках.

СЛУЧАЙНЫЕ ЛЮДИ

Когда за ним пытались поухаживать и протягивали огонь, он мрачнел:

— Что вы! Мне врачи запретили. Временно... Пока я могу только так наслаждаться. Ароматом...

На самом деле никто и никогда не видел Морковкина курящим, но молва, что писатель предпочитает дорогие сигары, ходила.

Корреспондент и писатель еще немного поговорили и стали прощаться.

— Так когда ждать? Когда эфир будет?

— Постараемся побыстрее. Я дам вам знать. Напишу в WhatsApp.

— Ок! — бросил Морковкин и выкарабкался из глубокого кресла. Когда он встал на ноги, стал очевиден его рост — совсем небольшой. Фигура Аркадия имела округлости — животик, бока, попа. И все это венчала кепка с пуговичкой на макушке. «Надо купить себе трубку, — подумал Морковкин, расплачиваясь за угощение, — трубка — это солидно и отвлекает на себя внимание».

Аркадий первым покинул бар. Корреспондент и оператор задержались.

— Ты мне скажи, почему он фамилию не сменит? Писатель все-таки! На псевдоним имеет полное право! А то — Морковкин, — фыркнул оператор.

— Да кто его знает, — пожал плечами корреспондент и тут же пожалел, что не задал этот вопрос. «Черт, это придало бы пикантности беседе», — вздохнул он про себя.

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

* * *

Аркадию Васильевичу Морковкину — писателю, драматургу, актеру, деятелю культуры — никогда не мешала его смешная фамилия. Он нес ее с гордостью, как и непоколебимое убеждение, что его вклад в современное искусство весьма значителен. Эта уверенность в себе имела детские корни. Когда в школе маленького Аркадия дразнили «морковкой», его мама сказала:

— Их много, а ты один. Понимаешь, у вас в школе по меньшей мере четыре Серегиных, а Морковкин на всю школу единственный. Кстати, это касается не только фамилии, но и твоих способностей.

Мама воспитывала Аркашу строго и имела на него огромное влияние. Поэтому с младых ногтей Морковкин знал, что он исключительный.

История жизни Аркадия была вполне безоблачной. Школа, институт. Не тот, куда хотелось, но тоже неплохой. С поступлением был связан еще один эпизод. На исторический факультет Аркадий не прошел. Он срезался на первом же экзамене — подготовился плохо, да и экзаменатор попался въедливый. Ситуация была острой — грозила армия, куда Морковкину не хотелось. А мама даже и представить не могла такого развития событий. Сына за проваленный экзамен она не отругала, а только посочувствовала:

СЛУЧАЙНЫЕ ЛЮДИ

— А что удивляться, там все по знакомству. Знаешь, скольких надо пристроить. Это мы с тобой бедные и беспомощные.

Мама Морковкина лукавила — связи у нее были, и она не преминула ими воспользоваться. В разговоре с нужными подругами мама Морковкина, понизив голос, поясняла:

— Ты же понимаешь, мальчик умный, способный. Но таких и не любят... Они же конкуренты всем бездарностям.

Аркадий удачно поступил в педагогический, но с тех пор во всех своих воспоминаниях многозначительно говорил: «Да, я учился в ту эпоху, когда мог быть запрет на профессию! Я попал в эти жернова». Какие такие «жернова» его перемололи, Аркадий не уточнял. Но эта фраза всегда производила впечатление. Особенно на молодых слушателей его литературного курса. Им казалось, что в те далекие 70–80-е годы «охота на ведьм» была делом обычным.

После педагогического Аркадий год проработал в школе. Этого опыта ему хватило сполна.

— Мальчик свалится с инфарктом. Надо менять место работы, — сказала мама. Она настояла, чтобы Аркадий «побыл дома». Длинный больничный с безобидным, но звучным диагнозом обеспечила мамина подруга, заведующая поликлиникой. Именно в этот период Аркадий написал свой первый рассказ. Мама, прочитав его, произнесла:

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

— Ну, что ж, у тебя талант. Это без вопросов. Только этим на хлеб не заработаешь. Я нашла одну контору. Через знакомых. Там требуется что-то типа секретаря. Но с перспективой роста. Занимаются какими-то литературными индексами. Подчиняются Книжной палате...

Если до этого Аркадий слушал невнимательно, то при упоминании Книжной палаты он оживился:

— Я согласен, мама. Я пойду туда работать.

Морковкин уже приблизительно понимал расстановку сил — близость к любому издательству сулила перспективы.

Суровые девяностые грянули, когда Морковкин был заведующим отделом. К этому времени его печатали в молодежных журналах, его сценарий вошел в сборник произведений молодых сценаристов, он удостоился премии за лучший рассказ о советских студентах. Мама собирала вырезки с его работами. Окружающие признавали его талант.

Талант был. Это было очевидно не только маме, близким друзьям и девушкам, которые роем вились вокруг Морковкина. С этим соглашались недоброжелатели, соперники, откровенные враги. Талант признал маститый писатель, с которым Морковкина столкнул случай. Морковкин пришел в издательство получить гонорар и увидел знакомое лицо. Ни минуты не раздумывая, он кинулся к человеку:

СЛУЧАЙНЫЕ ЛЮДИ

— Простите, я понимаю, что не самое подходящее место — касса издательства, но где еще я бы вас встретил! — воскликнул он.

Простота обращения подкупила маститого писателя.

— Вы бы могли прийти на мою творческую встречу, — сказал он, но все же улыбнулся.

— Да, верно, но я работаю, учусь на курсах и... у меня старенькая мама...

«Старенькая мама» окончательно растопила сердце советского классика.

— А вы сами что здесь делаете?

— Вот, гонорар, — смутился Морковкин.

— О, вы печтаетесь?

В двух словах Морковкин умудрился рассказать свою творческую биографию.

— Так вы тот самый, который про стройотряд написал? Там еще девушку пытались изнасиловать...

— Да, это мой рассказ, — потупился Морковкин.

— Хороший рассказ. Острый, жесткий, жестокий. А главное, лаконичный. Никакой воды. Прямо под дых бьет. Вы талантливы. Вы — умница!

У Морковкина потемнело в глазах от восторга. А писатель продолжал:

— Я удивился, когда ему присудили первую премию. Вы ведь не приукрасили, вы обнажили то, что есть, но спрятано за парадными красивыми одеждами. Понимаю, времена меняются... при-